

Сергей Медведев

Проказница

Действующие лица

Виктор — парень лет четырнадцать, выросший в религиозном сообществе.

Тау — девочка-крестьянка лет пятнадцать, работающая в городе в доме своих господ.

Простодушная, но крайне добрая и сострадательная.

Кси — актриса площадного театра пятнадцати лет. Во многом резкая, но тоже добрая и бесстрашная.

Отец Игнатий — священник, лет пятидесяти. Суровый, но не злой. Уставший от людей и от собственной веры.

Госпожа Марта — хозяйка дома, где служит Тау. Женщина лет сорока. Требовательная, но справедливая.

Горожане, прихожане, актёры — без слов.

Пролог

Затемнение. Тишина. Луч света выхватывает пустую раму, висящую в центре сцены. Вокруг рамы стоят трое — Виктор, Тау и Кси. Они не смотрят друг на друга. Они смотрят на раму.

Виктор:

Стою перед картиной.

Холодно.

Глазею.

Кси:

На мраморной стене висит движение мысли,

И от него

Мои собственные зависли

В окружении бродяг и ротозеев.

Кси:

Какой-нибудь эксперт,

Опершись как-нибудь на локоть,

Сказал бы: «Ох, какой же молодец,

Какая композиция и светотень!»

И прочую снобистскую дребедень,

Не относящуюся к искусству ни на ноготь.

Виктор:

А я, невыспавшийся и, надо сказать,

Всех этих терминов и теорем не зная,

Стою, и в жизни утопаю,

В картины жизни, и всё мне хочется узнать:

«Уважаемое произведение искусства,

Откуда ваш автор такой гений,

Что смог передать мельчайшие чувства,

Оттенки жизненных прений?»

Тау:

И чем же я хуже,

Что живя не первый год на земле,

Я в этой жизни теряюсь?

Почему разгадка не доступна и мне?
Я ни в чём ведь не разбираюсь...

Виктор:

И молил я Бога:
По доброте душевной
Помоги рабу усталому.
Открой мне хоть краешек жизненной тайны,
Я ведь, может, счастливее стану!

Все трое:

Но молчал Господь,
И в такой тишине,
Повторяя слепые воззвания,
Принуждён я довольным быть мраку вполне
И вести своё существование.

Свет гаснет. Удар колокола. Все трое замирают.

Сцена первая. Площадь

Звучит духовная музыка из церкви: хор переливается различными мелодиями. На сцене сидят два ребёнка. Перед ними — двери церкви. В церкви идёт служба.

Виктор: И вот так стоишь порой. Всё, что за пределами места, где я стою — где-то далеко. И только то, что здесь — важно. Только эта музыка.

Тау: И часто ты так стоишь?

Виктор: Не считал. Да оно и не важно. Главное, что это всё — не здесь, а вдали от меня.

Тау: Что «это»?

Виктор: А разве не понятно?

Тау: Ну раз уточняю, значит не понятно!

Виктор: А оно и не может быть понятно. Нельзя это описать словами.

Тау (немного бесясь): Ну так ты попробуй!

Музыка затихает. Атмосфера с возвышенного тона переходит в обывательский.

Виктор: Тау, вот вечно ты всё нарушишь!

Тау (дразня): Так ты скажешь или нет, что такое ваше «это»?

Виктор (дразня в ответ): «Это» — это всё то, что выводит меня из покоя. Всякая суета и прочие неприятности.

Тау: Ну вот, хоть по-человечески заговорил!

Виктор: Странно, что ты сразу не поняла! Ведь ты же и есть суета в чистом виде!

Тау: Скажи ещё, что сестру родную не узнала!

Виктор: Вот ты мне сейчас! (*Остыв и посмеиваясь.*) Ладно, это смешно...

Тау: Дружище, надо же кому-то тебя с небес на землю опускать. Ведь ты же как в своих размышлениях забудешься, так всё — зависишь и обратно уже никак!

Виктор: И всё же, везде, кроме своих размышлений, мне неприятно...

Тау: Неприятно навоз за лошадьми убирать. Говорю же, слишком часто ты забываешься.

Виктор: Ну и разве я просил меня... особенно таким низким юмором.

Тау: А я других инструментов и не знаю.

Виктор: Ещё бы.

Из дверей церкви выходит отец Игнатий. Он устало оглядывает площадь, замечает Виктора и Тау.

Отец Игнатий: Виктор. Ты почему не на службе?

Виктор (вскакивая): Я... я вышел на минуту, отче. Голова закружилась.

Отец Игнатий: Голова у него закружилась. (*Смотрит на Тау.*) А это кто?

Виктор: Это Тау. Она... сестра моя названная.

Отец Игнатий: Сестра. У сироты — сестра. *(Пауза.)* Ну, иди. Служба ещё не кончилась. И помни: кто не с нами — тот против нас.

Отец Игнатий уходит обратно в церковь. Виктор стоит, не двигаясь.

Тау *(тихо):* Вот видишь, о чём я и говорила. Услышат — не дай Бог.

Виктор: Я не боюсь его. Я боюсь того, что он прав.

Тау: В чём прав?

Виктор: Что кто не с нами — тот против нас. А я уже давно не с ними. И не против. Я — нигде.

Тау: Ну, значит, не всё потеряно. Пойдём, а то и вправду горло пересохло.

Виктор покашливает. Тау открывает дверь каморки Виктора, они залазят в неё.

Сцена вторая. Каморка

Тау *(свистнув):* Да уж, и где ты здесь дом нашёл?

Виктор: Раз уж здесь живу, значит это — мой дом.

Тау: Давно я здесь не была. В шкафу живёшь, не более, дружок!

Виктор: Ну, что есть — то есть.

Виктор с уставшим видом заваливается на свою лежанку.

Тау: Не очень хорошо выглядишь. Ты не заболел, случаем?

Виктор: Да нормально всё со мной. *(Поэтически.)* Разве что только душа побаливает!

Тау: Ну а душа-то от чего у тебя болит?

Виктор: А от всего! Надоело мне всё, что меня окружало. Жизнь, люди, бытие!

Тау: Я и забыла-то, что такое слово существует.

Виктор *(подумав):* Ну вот пошли.

Тау: Куда?

Виктор: Куда угодно, проблемы везде найдутся.

Виктор выходит из своей каморки. Тау — за ним.

Сцена третья. Площадь

Виктор: Посмотри вокруг.

Тау: Ну, площадь, люди.

Виктор: И эти люди изо дня в день здесь снуют, и будут снова до скончания веков.

Тау: Ну а тебе-то что с этого?

Виктор *(словно не слыша):* И они так и будут куда-то идти, суетиться, конца этому — нет.

Тау: И ты из-за этого расхандрился? Тебе бы поесть что-то, а то совсем бледный.

Виктор: Да и есть уже надоело, одно и то же, если вообще денег хватает.

Тау: Ну, тогда могу предложить пойти в поля и питаться травушкой-муравушкой. Вот это — разнообразие!

Виктор *(в своих мыслях):* И эта суета везде, не укроешься от неё никуда. Каждый день одно и то же — так и скука накатывает, что невыносимо аж становится!

Тау: И это повод весь день лежать в постели? По-моему, дела у тебя нет, вот ты от скуки и маешься...

Виктор: Я не только на лежанке весь день, и дело у меня есть — но и то надоело.

Тау: Как, надоело служить Господу Богу?

Виктор: Я не в Боге разочарован, а в жизни своей. Ты представь, с утра до вечера по паперти слоняться... И так уже столько лет.

Тау: Так тебе просто служба твоя надоела?

Виктор: Страшно признаться, но похоже, что да... Мне всё надоело. И вот вроде есть ещё в душе какая-то надежда, но и она безнадежна.

Тау: Ты это, тише. Не кричи про службу так сильно... Услышат, не дай Бог.

Виктор: Вот в том-то и дело. Услышат и высекут. А свобода-то она где? Да уж, страшно я ошибся...

Тау: В чём?

Виктор: Во всём. Мы все давно отошли от Бога...

В церкви опять начинается служба, слышен церковный хор. Из дверей церкви медленно выходит отец Игнатий. Он не подходит к героям, а стоит в стороне, глядя на площадь. Герои его не замечают.

Тау: Да уж, церковью ты, значит, не доволен. А как музыку церковную слышишь, так сразу приободряешься.

Виктор: Понимаешь, есть в ней что-то такое, успокаивающее, божественное. Словно эта музыка — никакого отношения и не имеет к тому, что здесь творится, к этой суете.

Тау: А, так вот оно что!

Виктор: Но потом я вслушиваюсь, и понимаю, что всё не так уж и просто. Есть в этой музыке что-то несвободное, закрепощающее. Что-то, что вселяет груз в душу. И вот так стою, и пытаюсь разгадать, чего в этой музыке больше. Пока не разгадал.

Тау: Ой, опять ты куда-то к небесам карабкаешься, философ недоделанный. Ну да, не такая уж интересная эта жизнь. Но нужно и в ней счастье находить.

Виктор: А тебе разве нравится каждый день на хозяйку батрачить, ты жизнь разве видишь?

Тау: А в этом тоже свои прелести есть! Как же классно понимать, что твоя семья будет жить в достатке, потому что ты, здесь, хорошо поработал!

Виктор: Тебе просто повезло, что ты не любишь задаваться вопросами, как я. К тому же, нет у меня людей, ради которых хотелось бы работать... И жить тоже...

Тау: Дружище, я тебя столько уже знаю, и ты с годами не меняешься! Тебе бы свои странные мысли отогнать, пойти развеяться: с людьми, в самом-то деле, пообщаться. Столько всего на свете, что ты пропускаешь, пока в своих мыслях находишься.

Виктор: И всё это так мелко и ничтожно.

Тау: Смотри, на площади что-то намечается! Всё для твоего увеселения!

На площадь выходит госпожа Марта. Она ищет кого-то взглядом и замечает Тау.

Госпожа Марта: Тау! Вот ты где. Я тебя обыскала.

Тау (вскакивая): Госпожа Марта, простите. Я задержалась.

Госпожа Марта: Задержалась она. Полы не драены, бельё не стирано. А она по площадям гуляет. *(Смотрит на Виктора.)* Это кто?

Тау: Это Виктор. Мой друг.

Госпожа Марта: Друг. У прислуги не бывает друзей. У прислуги бывает работа. *(Пауза.)* Иди домой. И чтобы к вечеру всё было сделано.

Госпожа Марта уходит. Тау стоит, опустив голову.

Виктор: Вот. Я же говорил. Везде — суета и цепи.

Тау (резко): Замолчи. Ты ничего не понимаешь.

Виктор: Чего я не понимаю?

Тау: Того, что у меня нет выбора. Ты можешь уйти. А я — нет. У меня мать, братья, сёстры. Я не могу просто взять и уйти.

Виктор: Но ты же сама говорила...

Тау: Я говорила, что нужно находить счастье в жизни. Но не говорила, что моя жизнь — счастливая. Это разные вещи.

Пауза. Тау отворачивается. Отец Игнатий, стоявший в стороне, медленно уходит в церковь.

Виктор: Прости. Я не подумал.

Тау: Ты никогда не думаешь. Ты только чувствуешь. *(Смягчаясь.)* Ладно. Пойдём. Только недолго.

Сцена четвёртая. Площадной театр

Слышен свист прохожих и хохот. На площади начинается представление бродячего театра. На сцену выходит Кси, она читает менестрельские стихи, параллельно отыгрывая разные роли.

Кси:

Славная моя гитара,
Заливайся песней,
Киньте нам скорей монетку —
Будет интересней!

Наш священник — бриллиант,
Бедный в повседневности,
А пока никто не видит,
Тайно с жиру бесится.

Музыкантов и актёров
Гонит церковь в шею,
Есть на то одна причина —
Смуту в душах сеют.

Хочешь стать пономарём —
Путь простой, без паники,
Розгой высекут тебя,
Будешь ты как паинька!

Представление заканчивается. Тау хлопает, Виктор заворожённо смотрит на сцену. Из церкви выходит отец Игнатий и наблюдает за представлением со стороны.

Виктор: Кто эта девушка?

Тау: Это — Кси, площадная актриса, менестрель, она говорила, что можно называть её, как хочешь.

Виктор: Даже великолепием?

Тау: Что за слова, друг мой? Тебе настолько понравилось её выступление?

Виктор: Ты так говоришь о ней, будто хорошо с ней знакома...

Тау: Да как-то в старой моей деревне пересеклись, она вот так же представление давала. Понравилась мне.

Виктор: Познакомишь и меня? Мне нужно сказать ей пару слов.

Тау (шутя): Ну, только если пару.

Виктор и Тау подходят к повозке. Тау постукивает по её двери.

Тау (наигранно): Госпожа-актриса, ваше выступление сегодня было просто великолепным!

Кси (нехотя): Актёры ушли на отдых, просьба отойти от повозки — артистам нужно подготовиться к следующему выступлению.

Тау: Ты меня не узнала, что ли? Это же я, Тау.

Кси (выглянув из двери): А, да, я тебя помню, Тау! Что же, для знакомых наш вагончик открыт всегда!

Кси и Тау обнимаются.

Кси: Что за парниша с тобой?

Тау: Один мой друг — Виктор.

Кси: Друг моего друга — мой друг. Здравствуй, дружище!

Виктор: Здравствуйте.

Тау: Он очень хотел с тобой познакомиться.

Виктор (смущённо): Ну, не то, чтобы прям очень.

Кси (развязно): Проходи, дорогой друг! Устраивайся и чувствуй себя как дома!

Тау: У него каморочка такая же небольшая. Поэтому он и вправду как дома!

Кси: Как говорил один мой знакомый, чем больше у тебя дом — тем меньше у тебя совести!

Виктор наигранно смеётся, потом останавливает себя.

Тау: Ну, рассказывай, как жизнь молодая!

Кси: Потихоньку. Живём — не жалуемся.

Тау: Мой дружище Виктор очень хотел с тобой познакомиться, все уши прожужжал.

Виктор (мнётся): Не подружиться, скорее познакомиться.

Кси: Так это же одно и то же.

Виктор (взяв себя в руки): Я вообще хотел вопрос такой задать...

Кси (словно опомнившись): Ой! погоди, дружище, все вопросы потом!

Виктор: В смысле?

Кси: Времени сколько?

Виктор: Без пяти семь. Ужин скоро.

Кси: Ну вот, что ж ты сразу не сказал?

Виктор: А что?

Кси: Время денежки зарабатывать — а то ужина у нас и не будет.

Виктор: А за выступление не заплатили тебе?

Кси: А кто же мне заплатит? Разве добрый кто сжалится, но сегодня улов небольшой.

Виктор: И ты постоянно так живёшь? Разве нравится голодать?

Кси: А что если нравится. К тому же, не голодаем. Даже если день неудачный, я вот так гитарку под вечер беру, и пошла зарабатывать!

Кси начинает наигрывать на гитаре бодрую и красивую мелодию. Герои ходят среди горожан и собирают с них денежки.

Виктор: Я вот как раз и хотел спросить, что это за музыка такая?

Кси: Обычная музыка, ничего примечательного.

Виктор: Неправда.

Кси: В смысле?

Виктор: Не сочти за лесть, но в этой музыке... что-то есть такое, что прямо вот...

Кси: Да ладно тебе, обычная музыка.

Виктор: Вот в том-то и дело, что необычная. Я такого раньше и не слышал. Ты вообще как такое пишешь?

Кси: Как Бог на душу положит. Стихи какие полились из головы — так и записала. Музыка — какую слух подсказал, такую и сыграла.

Виктор: Понимаешь, нам такой музыки не хватает...

Кси: Ты такой впечатлительный, друг.

Тау: Не удивляйся, с ним такое часто бывает.

Виктор: Ну это правда шикарно...

Кси: Рада, что тебе понравилось. А ты сам-то кем будешь?

Виктор: Служащий церкви.

Кси: О, ну я не удивлена, что тебе моя музыка чем-то гениальным кажется.

Виктор: Почему?

Кси: Ты, дай Бог, в жизни один только церковный хор и слышал.

Виктор: Ну, другое просто не доводилось как-то.

Кси: Вот где собака и зарыта, дружище! Эту музыку слушать нельзя, ну где в ней свобода творчества? В ней же сплошные правила, а отойдёшь от них — так всё, сразу бездарём считаешься.

Виктор: Да не, музыка-то хорошая, просто...

Кси (заводясь): Вот тебе самому не надоело одно и то же слушать?

Виктор: Ну, может быть.

Кси: Я же говорю, этот «канон», как они его называют, до добра не доведёт. Всё как и в жизни этих святош, (к Виктору.) без обид, дружище, это я не про тебя. Однообразно и попросту скучно. Вот тебе жизнь такая не надоела?

Виктор: Может быть...

Кси: И правильно! Как бы глупо ни звучало, но жизни в такой жизни нет ни на грош, и музыка у них слишком правильная. То ли дело наша!

Виктор: Я и не знал, что такая жизнь где-то рядом с моей существует. И не просто существует, живёт...

Кси перестаёт наигрывать мелодию.

Кси: О, дело сделано! Смотри сколько собрали.

Виктор: Да, немало.

Кси: Сосисок хотите?

Виктор: Нет, спасибо, не голоден.

Тау: Кому врёшь, дружище, ты же последние дни хлеб без соли доедаешь.

Кси: Какой скромняга!

Виктор (шутя): Ладно, раскрыли! Так уж и быть, не откажусь.

Кси: Ну и славно! Я мигом сейчас в лавку сбегая, встретимся вон там где-нибудь, у речки, хорошо?

Виктор: Зачем?

Кси: Глупенький, что ли? Костерчик разведём, сосисочек нажарим, что-нибудь на гитарке вам сбацаю.

Виктор: А у речки разве можно жечь?

Кси: Кто сказал, что нельзя? Так-то почти везде можно. Я же никому вреда не причиню, а у речки не опасно.

Виктор: Точно?

Кси: Да сто процентов, я уже столько раз жгла.

Виктор: Ну, если так.

Кси: Ну вот и всё тогда! Так, в общем, встречаемся там через... полчасика!

Тау: Хорошо бы костёр к твоему приходу уже развести, верно?

Кси: Ну, было бы славно. Особенно если сильно проголодались!

Виктор (наивно): А я и не знаю как.

Тау: Я знаю, не переживай, научу.

Виктор: Погоди, но дрова же нужны какие-то?

Тау: А ты думаешь, у речки не найдём?

Виктор: Нет конечно, поленья же там сами по себе не растут... Там только хворост какой-нибудь.

Кси: Не проблема, позаимствуем.

Виктор: В смысле?

Кси: А вот гляди-ка.

Кси, отдав деньги Тау, перепрыгивает через декорацию (некий забор). После она выпрыгивает оттуда с охапкой поленьев и хвороста.

Кси: Вечно эти богатеи запасаются деревом до отвала, словно на всю будущую жизнь!

Виктор (удивлённо): Погоди, а воровать, это тоже в твою жизнь входит?

Кси: А я и не ворую, я заимствую. У них и так этих поленьев валом, так что, они со мной что ли не поделятся?

Виктор: Ну это как-то...

Кси: Думай, что хочешь, но и мне тоже кушать хочется!

Виктор (наивно): Нет, ты не подумай, я не то чтобы виню тебя. Просто объясни мне, так поступать — это правильно?

Кси: Ой, спорно это всё, что правильно, что неправильно. И никто точного ответа не знает и не узнает. Поэтому я просто делаю, что вот эта штука (показывает на голову) верным посчитает, вот и всё.

Виктор (в раздумье): В чём-то ты права. (Шутя.) А что тогда сосиски не украдёшь?

Кси: Ну я же совесть всё-таки тоже имею! Так, я побежала. Разожгите пока костёр...

Кси, сильно ободрённая, убегает. Виктор и Тау уходят в противоположную сторону. Отец Игнатий, наблюдавший за ними, медленно уходит следом.

Сцена пятая. У реки

Виктор и Тау кладут поленья на траву, ходят по округе и собирают хворост для того, чтобы разжечь костёр.

Виктор: Говоришь, знаешь, как разжечь?

Тау: Конечно, столько раз в жизни приходилось.

Виктор: Мы будто с вами разные жизни жили, почему я этого не знал и до сих пор не знаю?

Тау: Ну, вот так! Вообще, всё надо уметь, всё в жизни пригодится.

Виктор: Но и, согласишься, толку от того, что ты костёр умеешь разводить, если ты разводишь его не на свободе?

Тау: Не понимаю тебя.

Виктор: Но вот ты же каждый день батрачишь, разводя огонь для хозяев, чтобы они покушали.

Тау: Выхода другого нет.

Виктор: И разве тебе хорошо от этого, что ты не можешь посидеть у костра чисто для себя, чтобы полюбоваться природой и забыть обо всей суете, что есть вокруг?

Тау: Ну а как ещё быть? Не работать совсем разве — но тогда и выживать невозможно...

Виктор: Да ведь и я разве на воле жил всё это время?

Тау: Ни ты, ни я. Но такая судьба.

Виктор: Что-то в этой судьбе менять надо.

Тау: Меняй.

Виктор: А ты чего так пренебрежительно?

Тау: Повезло тебе, что ты в своей жизни что-то изменить можешь. Что тебя здесь семья не держит, не трудишься ради неё.

Виктор: И то верно.

Тау садится на траву, пытается разжечь костёр.

Тау: А что же ты раньше ничего изменить-то не хотел?

Виктор: Да ведь попал я как-то в детстве в эту церковь. Сам даже не помню как, видимо, сдали меня как сироту бедного. Хоть и тяжело было, но терпимо. Сейчас же совсем невыносимо стало. А тут ещё и она...

Тау: Так это Кси на тебя так повлияла?

Виктор: Может быть. Одно лишь знаю — она божественно права, она знает, что такое свобода. И пусть у неё и нет богатств, подворовывает она и живёт тоже, честно говоря, не лучшую жизнь, но она — на воле, и вряд ли мы можем её хоть за что-то осудить, пока не добьёмся того же...

Тау: А ты уверен, что она на воле? Или просто думает, что на воле?

Виктор: Что ты имеешь в виду?

Тау: Она бежит. От церкви, от дома, от людей. Но бегство — это не свобода. Это просто движение в другую сторону. *(Пауза.)* А может, и мне уйти?

Виктор: Что?

Тау: Уйти. Как она. Взять и уйти. Бросить всё. *(Пауза.)* Нет. Не могу. У меня мать. У меня братья. У меня сёстры. Кто их накормит?

Виктор: Но ты же сама говоришь — бегство не свобода.

Тау: Говорю. И всё равно думаю об этом каждый день. *(Улыбаясь.)* Вот такая я дура. Иди костёр разжигай, философ.

Пауза. Виктор смотрит на Тау другими глазами.

Виктор: Тау, я...

Тау: Не надо. Просто разожги костёр. И не забывай: что бы ты ни выбрал, у этого будет цена.

Кси возвращается с мешочком сосисок в руках, Тау собирается уходить.

Кси: О, ненаглядные! Так, а что костёр не разожгли?

Тау: Да у меня не вышло что-то. Доведёшь же сама до ума?

Кси: Не вопрос, а ты куда?

Тау: Да поздновато уже, мне завтра весь день полы драить и прочее.

Кси: Даже сосисок не хочешь?

Тау: Не, сегодня на диете побуду.

Кси: Ну ты это, давай, не пропадай.

Тау: Ты надолго у нас?

Кси: Ну, на недельку, думаю, задержусь.

Тау: Ну вот и не вопрос. На неделе где-нибудь, да уж точно пересечёмся.

Кси: Всё же я должна тебя хоть раз накормить сосисками!

Кси и Тау обнимаются. Тау подходит к Виктору, чтобы обнять его.

Тау: До завтра?

Виктор (неуверенно): До завтра...

Тау: Впрочем, может и не до завтра. Если ты чувствуешь, что так — правильно, делай то, что должен сделать. Только помни: уйти легко. Остаться — труднее.

Виктор: Тау, постой. Я хочу, чтобы ты знала...

Тау: Что?

Виктор: Ты была единственной, кто меня не переделывал. Не учил, не спасал, не жалел. Просто была рядом.

Тау: Так и должно быть, дружище. Друзья для этого и нужны.

Виктор: Я не знаю, что будет дальше. Но я не хочу тебя терять.

Тау: А ты и не теряешь. Я здесь. И буду здесь. Куда я денусь с нашей площади?

Виктор (смеясь): С площади?

Тау: А то. Здесь всё началось — здесь и продолжится. Иди. И не оглядывайся.

Тау обнимает Виктора и уходит.

Тау: До встречи, друзья!

Кси подсаживается к Виктору, пытается разжечь костёр.

Кси: Остались мы с тобой вдвоём, парниша!

Виктор: Да уж, обстановка романтичнее некуда!

Кси: Сосиски нанизывай, романтик!

Виктор: Никогда руки ещё до подобного не доходили.

Кси: Поживёшь так, как я, и не такому научишься.

Виктор (смекнув): А ты что, за собой зовёшь?

Кси: Да не, это я просто говорю красиво.

Виктор (желая перевести тему): Какая красота здесь!

Кси: Ну да, как ты и сказал, сплошная романтика!

Виктор: Речка, облака, искры от костра обжигают лицо, но приятно обжигают, знаешь?

Кси: Знаю, у меня ведь каждый день такой!

Виктор: И как я и раньше этого всего не видел? Дома будто перекрывали мне эту красоту! Ты, наверное, самая счастливая, если наблюдаешь это изо дня в день.

Кси: Да не сказать, чтобы...

Виктор: Вот бы и у меня каждый день был таким.

Кси: На что ты намекаешь?

Виктор: Ну, могу не намекать — скажу прямо. Возьмёшь меня с собой?

Кси: Нет, прости.

Виктор: Как?

Кси (игриво): Вот так: просто не возьму.

Виктор: Почему?

Кси: Ты... не моего плана ты человек.

Виктор: Но я готов стать таким, как ты.

Кси: Понимаешь, такими не становятся. Такими рождаются. Ты — городской, я — живу на природе, всё закономерно.

Виктор: И ты даже не дашь мне шанса стать как ты?

Кси: Не-а, прости ещё раз, без обид.

Виктор: Но ведь ты мой единственный шанс попасть на свободу! Самому мне будет трудно, а с тобой...

Кси: А на жалость давить не обязательно.

Виктор: Ну и пожалуйста...

Кси: Погоди, ты что, обиделся?

Виктор: Нет, до свидания.

Кси: Прошу тебя, ничего личного.

Виктор: Больно-то и хотелось.

Кси: Понимаешь, я к тому же привыкла путешествовать одна...

Виктор (язвительно): Тебе не за что извиняться.

Виктор разворачивается и уходит от Кси. Кси остаётся одна у костра. Она смотрит ему вслед, и на её лице — не насмешка, а усталость.

Кси (тихо, себе): Дурак. Я бы и сама с радостью за кем-нибудь пошла. Да не за кем.

Она подкидывает хворост в костёр и смотрит на огонь. Огонь почти гаснет. Кси обхватывает колени руками. Ей страшно.

Кси: Они идут. Я слышу. Они всегда идут, когда я одна. (Пауза.) Я не боюсь. Я не боюсь.

Пауза. Она сжимается сильнее.

Кси: Вру. Боюсь. Каждый раз боюсь. Когда темно, когда тихо, когда никто не смотрит.

Она смотрит на гитару.

Кси: Если бы ты знала, гитара, как я устала. Каждый город — новый. Никто не ждёт. Никто не помнит. Только ты и я.

Пауза. Она слышит шорох. Вскикивает.

Кси: Кто здесь?

Тишина. Она медленно садится обратно.

Кси: Показалось. А если однажды не покажется? Если однажды они придут — и никто не встанет рядом? Что тогда? (Пауза.) Тогда я буду одна. Как всегда.

Она ложится у костра, подложив руку под голову. Закрывает глаза. Свет медленно гаснет.

Сцена шестая. Каморка

Виктор возвращается к себе в каморку. Ложится на свою лежанку.

Виктор: Да уж, не жили хорошо и нечего начинать.

Виктор пытается уснуть, ворочается, у него не выходит. Слышен стук часов. Вдруг он слышит стук в дверь.

Виктор: Ну кто там посреди ночи?

Он открывает дверь. На пороге — Тау, она заходит к нему.

Виктор: Тау?

Тау: Угадал.

Виктор (иронически): Не спится тебе, дружок? Ночью ломишься.

Тау: Как ночью? Утро уже давно.

Виктор: Как? Так я всю ночь проворочался?

Тау: Выходит, что так.

Виктор: А ты чего ко мне?

Тау: Я лишь зашла понять, не уехал ли ты уже с ней. Боже мой, не представляешь, как я рада тебя видеть!

Виктор: Послала она меня.

Тау: За чем?

Виктор: Не «за чем», а «куда» лучше сказать. Ну не взяла она меня с собой, сказала, что я хилый больно для её жизни.

Тау: Интересно...

Виктор: Да и ладно, Бог с ним. Как я, тем более, тебя здесь оставляю...

Тау: Ты на меня не смотри. Я безумно рада тебя видеть, как и буду рада видеть всегда, но делай, как душа велит.

Виктор: Спасибо!

Тау: За что?

Виктор: Просто спасибо!

Виктор обнимает Тау. На фоне слышны звуки гитары, похожие на те, которые были на выступлении Кси. Также начинают слышаться звуки столпотворения.

Виктор: Что это там на улице в такую рань?

Тау: Сама не знаю.

Виктор и Тау вылезают из каморки на площадь. На площади — толпа. Отец Игнатий стоит на ступенях церкви и говорит.

Отец Игнатий: Именем Бога заклинаю вас, сыновья и дочери его. Необходимо найти и покарать осквернителей чистой веры, которые расплодились нынче в лице актёров, лицедеёв и прочих бродячих музыкантов. Они подвергают сомнению все высшие ценности, наделяют бездуховностью святые таинства, священнослужителей и всё иное, что так дорого христианину. Не дайте же им внести беса в свои умы.

Виктор: Погоди, так что это? Они хотят актёров к рукам прибрать?

Тау: Мягко сказано.

Виктор: А вот вдали, это что, слышишь? Кси играет?

Тау: Похоже на неё.

Виктор: Она как раз, помнишь, говорила, что ещё в нашем городе задержится.

Тау: И не слышала она, что ли, что священник сказал? Ведь её же быстро загребут.

Виктор: Бежим, медлить нельзя!

Тау: А вдруг это не она?

Виктор: Ну, значит, спасём жизнь случайному музыкантишке!

Виктор делает шаг, но останавливается. Он смотрит на церковь, потом на Тау. Пауза.

Тау: Что?

Виктор: Я... я не могу.

Тау: Чего не можешь?

Виктор: Идти против них. Против церкви. Они меня вырастили. Они меня кормили. Если я пойду — обратной дороги не будет.

Тау: А если не пойдёшь — её поведут на площадь. И ты будешь стоять в толпе и смотреть.

Пауза. Виктор закрывает глаза. Потом открывает.

Виктор: Я иду.

Тау: Я знала.

Виктор и Тау убегают за декорации. Через некоторое время они возвращаются. Они ведут Кси. Кси тяжело дышит, в её руках — гитара. Она смотрит на Виктора иначе, чем прежде.

Кси: Уф, не ожидала я такой подставы, спасибо!

Виктор (холодно): Всегда пожалуйста.

Кси (иронически): Ты стал такой смелый, прямо против церкви прёшь, которая тебя же и вырастила!

Виктор: А какая разница, против церкви или нет. Сделал то, что справедливо, что вот эта штука *(показывает на голову)* верным посчитала.

Кси: Справедливость — это уважаемо, я начинаю менять к тебе отношение.

Виктор: С чего это?

Кси: Ты не таким уж и городским оказался, у тебя есть характер.

Виктор (улыбаясь): Рад, что ты это заметила.

Кси: И опять эта прекрасная река. Все мы вечно к этой реке возвращаемся.

Виктор: Может оно и к лучшему? Я уж думал и не увижу её больше.

Кси: Увидишь, и ещё не раз.

Виктор (после паузы): Так ты?..

Кси: Да, ликуй. Ты доказал мне, что ты чего-то стоишь.

Виктор: А сразу так нельзя было?

Кси: Ну, может я была не права. Впрочем, мне нужно было время понять, что ты достаточно смел и хитёр, чтобы стать для меня защитой. И тебе и мне есть выгода, согласись. (Сентиментально.) Хотя, какой к чёрту защитой, будешь мне попросту другом! Не злись главное, что я так резко с тобой обошлась... Ты же видишь, я не умею подбирать выражения.

Виктор: Я и не злюсь, я рад!

Кси: Ну так что, пойдём скорей на свободу, куда ты так сильно хотел?

Виктор поворачивается к Тау. Пауза. Он смотрит на неё, и в этот момент — впервые за всю пьесу — он не поет, не философствует, не прячется за словами. Он думает.

Виктор: Ты не будешь против?

Тау (с улыбкой): Я то что. Жизнь твоя, тебе решать.

Виктор: А ты здесь как сама?

Тау: Да уж как-нибудь, главное, что ты теперь волен делать, что угодно, и я за тебя рада.

Виктор: Но это же не значит, что мы надолго прощаемся?

Тау: Я бы сказала, вообще не прощаемся. Как жизнь устанкнится, так можем хоть каждый день видеться...

Виктор: Само собой, я тебя не забуду!

Тау: Я знаю. Иди.

Тау и Виктор обнимаются. Кси также подходит и приобнимает Тау.

Кси: Ну всё, голубки! Время для прощаний истекло, пора бы и в путь!

Виктор: Погоди, надо ещё проститься с городом.

Кси: С городом, который был ненавистен тебе?

Виктор: Мне ненавистны только дома, церкви... Я лишь хотел бы проститься с улицами, они — волшебные.

Кси: О, ну это уважаемо!

Виктор: Только можешь что-нибудь наигрывать на гитарке фоном? Так куда легче!

Кси: Не вопрос!

Кси начинает играть. Виктор делает шаг, потом останавливается. Он оборачивается на церковь. Из её дверей выходит отец Игнатий. Они смотрят друг на друга. Пауза.

Отец Игнатий: Уходишь?

Виктор: Ухожу.

Отец Игнатий: Насовсем?

Виктор: Не знаю. Но сейчас — насовсем.

Пауза. Они смотрят друг на друга. Игнатий делает шаг вперёд.

Отец Игнатий: Я знал, что ты уйдёшь. С самого начала знал. Ещё когда ты мальцом пришёл — худой, голодный, злой на весь мир. Я тогда подумал: этот не задержится. Этот ищет.

Виктор: И что я ищу?

Отец Игнатий: Не знаю. Но точно не покой. Покой ты бы нашёл здесь. А ты его не нашёл. Значит, ищешь что-то другое.

Виктор: Отче, я не хочу уходить с ненавистью. Я не ненавижу вас. Я ненавижу то, что стал здесь тем, кем не хотел.

Отец Игнатий: А кем ты стал?

Виктор: Человеком, который боится. Боится слова, боится тишины, боится самого себя. Здесь я научился бояться. А я не хочу бояться.

Пауза. Игнатий медленно кивает.

Отец Игнатий: Я тоже когда-то уходил. Дважды. Оба раза вернулся. Знаешь почему?

Виктор: Почему?

Отец Игнатий: Потому что боялся. Того же самого. И вернулся — к тому же самому. *(Пауза.)*

Ты не возвращайся. Иди до конца. Даже если там ничего нет.

Виктор: А если я ошибусь?

Отец Игнатий: Все ошибаются. Я вот всю жизнь думал, что служу Богу. А служил — страху.

(Пауза.) Иди. И помни: Бог не в стенах. Бог — в тебе. Если Он там есть.

Отец Игнатий уходит в церковь. Виктор смотрит ему вслед.

На площадь выходит госпожа Марта. Она видит Тау, стоящую рядом с Виктором и Кси. Тау замечает её. Пауза. Госпожа Марта смотрит на Тау долгим взглядом. Потом медленно кивает — и молча уходит. Тау смотрит ей вслед.

Виктор: Пойдём.

Тау: Погоди. *(Пауза.)* Я остаюсь.

Виктор: Что?

Тау: Я не могу уйти. Не сейчас. *(Смотрит на госпожу Марту.)* Но однажды — смогу. И тогда я найду вас.

Кси: Мы будем ждать.

Тау: Я знаю.

Виктор, Кси и Тау идут по площади. Свет постепенно меняется — с холодного на тёплый. Звучит финальная песня. Тау останавливается, смотрит им вслед, потом медленно уходит в другую сторону.

Кси:

Палитра, кисть и мастихин,
Мольберт под мышкой — в путь.
Прощайте, я ушёл один,
Меня не помянуть.

Я жил среди вас, творил, как мог,
Но понял наконец:
Я вам не друг и не пророк,
Я жизни сам творец.

Уйду в леса, где старый дуб
Стоит века подряд.
Туда, где мёртвый канон люб,
Меня принять хотят.

Не знаю, счастлив буду ль я,
Но путь невозвратим.
Прощайте, господа!
Я — сам себе творец.
рощайте, господин!

Свет медленно гаснет. На сцене остаётся только пустая рама — та же, что и в прологе. В луче света стоит Тау. Она смотрит на раму, потом поворачивается и уходит в темноту.

Конец

© Сергей Медведев, 2026

© [ДЮО «Остров Сокровищ»](#), 2026

mail.ostrov@gmail.com